

**В. С. Пелогейчик**

*Науч. рук. – А. В. Геращенко, ст. преподаватель*

## **КОНЦЕПТ ЧЕЛОВЕКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ М. ГОРЬКОГО**

*В статье прослежена эволюция антропологического концепта Горького: от неоромантического бунта и апофеоза «босняка» через спор об истине и жалости в драме «На дне» к коллективизму. Трансформация гуманизма писателя показана на примере антиидеала буржуазного индивидуализма в романе «Жизнь Клима Самгина».*

Вопрос о природе, границах, духовном наполнении и историческом призвании человека составляет фундаментальную основу всей художественной, публицистической и философской системы Максима Горького. На протяжении более чем сорокалетнего творческого пути писателя антропологический концепт претерпевал глубокие, порой драматические изменения, отражая как личные идейные искания автора, так и тектонические сдвиги в русском общественном сознании конца XIX и первой трети XX веков. Человек в художественной вселенной Горького – это не пассивный объект воздействия внешних социально-экономических условий или божественного провидения, а суверенный субъект исторического процесса, демиург новой реальности, призванный преодолеть собственную биологическую и социальную ограниченность [1, с. 44].

Раннее творчество Максима Горького, пришедшееся на 1890-е годы, характеризуется ярким неоромантическим пафосом, который возник как реакция на кризис традиционного народнического реализма и упадок духа в эпоху «безвременья». В этот период антропологический концепт писателя строится на жесткой бинарной оппозиции, разделяющей человечество на две неравные и непримиримые категории: людей действия, наделенных титанической волей, и пассивную, инертную массу, погруженную в бытовой конформизм [2, с. 112]. Модель идеального бытия проявляется через аллегорические образы и легендарных персонажей, чьи характеры лишены психологической двойственности, но обладают колоссальной символической емкостью. Человек раннего Горького определяется через категорию абсолютной свободы – свободы от социальных условностей, имущественных обязательств, сословных рамок.

Наиболее отчетливо эта разделение прослеживается в рассказе «Старуха Изергиль», где автор сталкивает две концепции личностной свободы – эгоцентрическую и альтруистическую. Образ Ларры воплощает крайний, доведенный до абсурда индивидуализм, укорененный в ницшеанских идеях о «сверхчеловеке», трансформированных сознанием русского писателя [3, с. 89]. Ларра считает себя первым на земле и не видит ничего, кроме своего «я». Его свобода – это свобода разрушительная и бесплодная, оборачивающаяся в конечном итоге абсолютным одиночеством и духовной смертью. Горький выносит Ларре суровый приговор: человек, существующий исключительно ради себя, исключается из человеческого сообщества и превращается в тень [4, с. 382]. Противоположным полюсом выступает Данко, чей антропологический тип знаменует высшую точку развития личностного начала через жертвенное служение коллективу. Свобода Данко – это свобода выбора пути спасения для других.

Начало двадцатого века ознаменовано переходом Горького к глубокому философскому анализу человеческой природы, высшей точкой которого стала социально-философская драма «На дне». В этом произведении концепт человека раскрывается через полифоническое столкновение различных мировоззренческих позиций, каждая из которых абсолютизирует одну из граней человеческого существования [5, с. 176]. Пространство ночлежки Костылева становится своеобразной лабораторией, где испытываются на прочность базовые гуманистические ценности. Центральным нервом пьесы выступает неурегулированный спор об истине и сострадании, воплощенный в диалоге-противостоянии между Лукой и Сатиным. Лука приносит в ночлежку философию утешительной лжи, основанную на жалости к слабому, надломленному человеку. Его позиция ссылается к идее, что реальность слишком жестока, чтобы человек мог вынести ее без терапевтического вымысла [6, с. 94]. Лука видит в людях, прежде всего, страдающих существ, нуждающихся в психологической помощи.

Горький, однако, относится к позиции Луки неоднозначно. С одной стороны, жалость Луки пробуждает в ночлежниках остатки человечности, заставляет их мечтать о лучшей жизни. С другой стороны, эта иллюзорная надежда оказывается губительной: когда утешитель исчезает, иллюзии рушатся, приводя Актера к самоубийству, а остальных – к еще более глубокому отчаянию [5, с. 192]. Противником этой концепции выступает Сатин, через которого автор транслирует свой знаменитый антропологический манифест. В монологе Сатина человек переводится из регистра объекта жалости в регистр абсолютной космической и исторической ценности. Исследователь Б. А. Бялик отмечает: «Горький через Сатина провозглашает освобождение человека

от унижительной жалости и возвращает ему статус творца» [5, с. 201]. В самом тексте драмы эта мысль достигает кульминации: «Человек – это великолепно! Это звучит... гордо! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо!» [4, с. 164].

Слова Сатина знаменуют отказ от традиционного христианского смирения. Уважать человека – значит требовать от него активности, признавать его способность самостоятельно трансформировать мир без опоры на иллюзии или потусторонние силы. Человек у Сатина включает в себя все человечество, он свободен и сам платит за все.

После Первой русской революции 1905 года антропологическая модель Горького окончательно утрачивает черты индивидуалистического бунтарства и приобретает выраженное социально-политическое и коллективистское измерение [1, с. 182]. Писатель приходит к выводу, что изоляция личности ведет к ее неизбежной деградации, а подлинное освобождение человека возможно только в процессе сознательного изменения общественных отношений. Роман «Мать» становится этапным произведением, в котором художественно моделируется процесс рождения «нового человека». Главная героиня, Пелагея Ниловна Власова, начинает свой путь как забитая, запуганная, лишенная индивидуальности женщина, чье существование сведено к биологическому выживанию и терпению насилия [4, с. 12]. Через приобщение к революционной борьбе своего сына Павла она совершает колоссальный духовный переворот.

Эволюция Ниловны – это не просто смена политических убеждений, это фундаментальное расширение границ ее личности. Горький показывает, как страх вытесняется любовью, которая постепенно перерастает рамки материнского инстинкта и охватывает всех угнетенных [3, с. 145]. Павел Власов и его соратники представляют собой новый антропологический тип – человека сознательного, дисциплинированного, чья воля подчинена строгой исторической целесообразности. В этой системе индивидуальное «я» не растворяется безвестно в коллективе, но обретает в нем свою наивысшую точку реализации. Человек становится Личностью именно тогда, когда он берет на себя ответственность за судьбу всего общества. Разум и солидарность провозглашаются главными орудиями преодоления того «звериного», темного хаоса, который, по мнению Горького, таится в глубинах неразвитой человеческой психики [7, с. 124].

В послереволюционный период, особенно в эпоху создания публицистического цикла «Несвоевременные мысли», концепт человека в творчестве Горького сталкивается с жестокими вызовами исторической реальности. Наблюдая ужасы гражданской войны, разгул стихийных анархических страстей и жестокость масс, писатель переживает глубокий

кризис [8, с. 86]. Его гуманистическая вера подвергается суровому испытанию. Горький осознает, что освобожденный от внешних оков человек далеко не всегда автоматически становится носителем разума и культуры. В этот период на первый план выходит концепт Культуры как единственного сдерживающего и преобразующего фактора, способного переплавить «зоологический» инстинкт русского человека в сознательное гражданское служение [9, с. 74].

Горький начинает рассматривать человека как незавершенный проект, как полуфабрикат истории, требующий длительной, упорной работы посредством просвещения, науки и искусства. Он жестко критикует пассивность, жестокость и эгоизм крестьянской массы. В статьях этого периода человек понимается как поле битвы между культурой и анархической стихией [8, с. 112]. Подлинный гуманизм Горького теперь заключается не в слепом преклонении перед народом, а в требовании непрерывного духовного и интеллектуального усовершенствования каждого индивида.

Вершиной художественной антропологии Горького и его итоговым философским завещанием стал монументальный роман-эпопея «Жизнь Клима Самгина». В этом произведении автор осуществляет грандиозную по масштабам деструкцию буржуазного индивидуализма и детально исследует феномен псевдоличности, человека-фразы [3, с. 294]. Клим Самгин – это антропологический антиидеал Горького, интеллектуальный конформист, чья внутренняя сущность абсолютно пуста и соткана из чужих мыслей, модных теорий и цитат. На протяжении всего романа Самгин пытается выстроить систему психологической защиты, оградить свое «я» от настойчивого давления исторической реальности, однако эта попытка терпит крах [3, с. 312]. Л. А. Спиридонова утверждает, что «индивидуализм Самгина – это не сила духа, а проявление экзистенциального страха перед реальной жизнью» [8, с. 241]. Персонаж постоянно чувствует себя «выдуманным», ненастоящим, поскольку он оторван от живого созидательного труда и чаяний народа. Через образ Самгина Горький выносит окончательный приговор всей европейской и русской буржуазно-интеллигентской традиции антропоцентризма, основанной на самолюбовании и пассивном созерцании. Настоящий человек у позднего Горького – это анти-Самгин, это человек действия, включенный в грандиозный процесс социалистической реконструкции мира, способный растворить свой эгоизм в масштабных задачах эпохи [1, с. 340].

Таким образом, концепт человека в художественной системе М. Горького представляет собой динамическую, эволюционирующую структуру, которая развивалась от романтического волюнтаризма к строгому социальному детерминизму и коллективизму. Горький совершил радикальный переворот в русской антропологической

традиции, отказавшись от толстовского непротивления злу насилием и дostoевского культа страдания. Человек Горького – это борец, труженик, демиург, чье достоинство измеряется масштабом его преобразующей деятельности. Вера в безграничные возможности человеческого разума и воли оставалась неизменным стержнем горьковского гуманизма на всех этапах его сложного творческого пути.

### Список литературы

1 Горький, М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. / М. Горький. – М. : Наука, – 1976. – 580 с.

2 Горький, М. Полное собрание сочинений. Варианты. Письма. Публицистика : в 30 т. / М. Горький. – М. : Наука, 2018. – 1002 с.

3 Баранов, В. И. М. Горький: Подлинный и мнимый / В. И. Баранов. – М. : Просвещение, 2000. – 380 с.

4 Бялик, Б. А. М. Горький – драматург / Б. А. Бялик. – М. : Советский писатель, 1977. – 544 с.

5 Волков, А. А. Путь художника. М. Горький / А. А. Волков. – М. : Художественная литература, 1969. – 408 с.

6 Заика, С. В. М. Горький и русская классическая литература конца XIX – начала XX в. / С. В. Заика. – М. : Наука, 1982. – 143 с.

7 Келдыш, В. А. О реализме М. Горького / В. А. Келдыш. – М. : Наука, 1970. – 264 с.

8 Спиридонова, Л. А. Настоящий Горький: Мифы и реальность / Л. А. Спиридонова. – М. : ИМЛИ РАН, 2013. – 440 с.

9 Сухих, С. И. Заблуждение и прозрение Максима Горького / С. И. Сухих. – Нижний Новгород : Изд-во Книги, 1992. – 224 с.